

12+

СОБАЧИЙ ВАЛЬС

Олег Голиков

Олег Голиков

Собачий вальс

«Издательские решения»

Голиков О.

Собачий вальс / О. Голиков — «Издательские решения»,

Повесть написана в 1989 году в разгар перестройки и упадка всего и вся. Краски довольно сильно сгущены, но такое уж тогда было настроение. Приближался конец великой страны, и ничего хорошего вокруг не просматривалось.

© Голиков О.

© Издательские решения

Содержание

СОБАЧИЙ ВАЛЬС	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Собачий вальс

Олег Голиков

© Олег Голиков, 2026

ISBN 978-5-0070-9513-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОБАЧИЙ ВАЛЬС ПИСЬМО ЗВЕЗДОЧЕТА

«Мой Император.

Мой милый Жак.

Это последнее письмо старого Звездочета из рода Таксы. И, разумеется, я предназначаю его для тебя. Ты знаешь, что мне не с кем больше делиться мыслями. Я всегда любил тебя как сына и уважал как умнейшего в нашей Империи ученого. Ты талантлив и молод — а это самое главное для любого мыслящего существа. И ты мог бы стать величайшим сыном Империи, если бы не твое Императорство и, самое прискорбное, если бы не конец Империи. Даже ты, светлейший ум, предался неоправданной самоуспокоенности с того момента, как перестал быть просто Жаком и стал Императором. Ты стал им, когда участь Империи была решена. Если ты не понял этого до сих пор, то поймешь, когда прочтешь мое письмо.

Видишь ли, мы оказались такими же глупыми, как и люди. С первых лет осмысленного существования Империи Собак мы старались не допускать тех ошибок, которые погубили человеческую цивилизацию. Но беда в том, что наши ученые не смогли пойти дальше, чем мыслители людей, и мы буквально с первых же шагов остановились в развитии. Мы были в состоянии лишь обобщать достижения человеческого гения и использовать их, проецируя на наше собачье общество.

Сильнейший удар по только что родившейся Империи мы нанесли сами. Я говорю об искусственном разделении всех собак на «чистокровных» и «неполноценных». В этом отношении мы не достигли даже людского уровня, они хотя бы пытались создать видимость борьбы с таким делением. Для нас же такой проблемы просто не существовало. Для нас существование собак второго сорта до конца будет нормальным явлением. И самое страшное, что сами «неполноценные» согласны с этим. Никому в голову не приходит, что мы все равны. Мы все — Собаки. И нет ни первого, ни второго сорта. А потеряв, таким образом, большую часть умов и согласившись с тем, что «неполноценные» годны только для черной работы, мы обрекли себя. Я склонен думать, что не появившись внешний враг, то есть крысы, мы все равно вымерли бы. Или в лучшем случае с нами произошла бы эволюция наоборот.

Через несколько веков наши далекие потомки представляли бы снова собак человеческой эпохи. Только более жестокий их вариант.

Не может маленькая, пусть состоящая из самых умных и одаренных группка, выжить обособленно от всех остальных, если те обречены на гибель.

Продолжая разговор о «неполноценности», хочу высказать свои соображения по поводу абсурдного, иначе не назовешь, закона о «неполноценности» детей от разнородных «чистокровных» родителей. Этим дурацким законом мы лишили себя еще одной категории собак, и я могу смело это утверждать, обладающей огромными потенциальными возможностями во всех сферах нашей жизни. То же самое я могу сказать и о законе, запрещающем иметь больше одного ребенка в семье. Он был принят в целях борьбы с «перенаселением». Кошмарнейшая глупость! Никакой опасности перенаселения не было, и быть не могло.

Наверное, горько читать, будучи Императором, такие строки, написанные отстраненным от всех дел старика. Ты прости, если я делаю тебе больно. Поверь, с твоим мягким, доверчивым характером никак нельзя было занимать Императорский престол. Ты не борец. Даже мое предложение единственного возможного выхода из тупиковой ситуации, грозящей разгромом государства крысами, не нашло у тебя поддержки. Если бы ты решился на этот шаг (4 года назад выдал оружие рабочим), история Империи была бы в твоих руках. Тогда было еще не поздно. Но тебя сломали алчные и недалекие советники, непонимающие, что тем самым они

губят Империю. Они все сделали, что бы удалить меня, и ты замкнулся в себе. У тебя пропало желание что-либо изменить. И это не мудрено. Но когда пропадает желание менять, совершенствовать — неминуем регресс.

А вообще-то прогресса у нас никогда и не было. Взяв все у людей, мы не создали ничего сами. И разве можно назвать цивилизованным общество тех, кто не в состоянии ничего создать? Нельзя. Три века (всю нашу историю) мы только разрушали. Мы варвары. В сердце варваров не бывает создателей, а следовательно, нет и общества, способного понять и оценить создание. Пока мы ценили созданное людьми, пока мы не утратили понимания пусть чужого творения, мы имели право на существование. Но, утратив понимание, и не выдвинув собственных творцов, мы остались варварами. Нам нечего было хранить, а эта задача еще более трудная, нежели создавать. Наша гибель была предрешена. Мы повторили печальный опыт человечества: они разучились создавать, мы не научились.

Ты прочтешь это письмо, когда меня уже не будет. Не будет многих близких тебе. Я сознательно не хочу касаться твоей личной жизни, ибо не желаю в конце жизни прослыть сплетником. Могу сказать одно, тебе нужно быть готовым к самому худшему. Многие считаются несчастными, не испив и половины той чаши, что уготована тебе. Ты обречен увидеть смерть твоей Империи и, если верить книге, умереть последним. Твоим глазам суждено прочесть последнюю страницу книги наяву. Помнишь великие строки:

1. Когда луна была зеленая, На нее не были собаки
Так как их не было, а были волки.
И волков не называли санитарями леса,
Ибо не было людей и некому было так называть.
2. Когда луна была желтая, собаки не были Собаками,
А были рабами людей, а люди были смертны,
Но не знали этого и были господами.
Люди называли Собак собаками, но сами
Учились у них выть на Луну,
А собаки учились быть господами.
3. Когда Луна была розовой, Собаки стали Собаками,
И они сами называли себя так,
Потому что были господами
И людей уже не было.
4. Когда лунба будет красной,
То и собак не будет,
А будут крысы.

Не допустив появления творцов из своей среды, мы сделали свою историю очень короткой. Ты историк, Жак, и не мне тебе напоминать, что у людей были Греция и Рим, Франция и Россия, Япония и Америка. Все они были разграблены варварами внутренними и не внешними, стоящими на ступень ниже своему развитию. Это же постигло и нас, империя уничтожается крысами. Луна будет красной от поднявшегося пепла и дыма. Пришло время диких и невежественных крыс.

Я полагаю, что их путь будет еще короче.

История цивилизаций с исчезновением людей наладит обратный отсчет. Они были вершиной.

Мне горько, что только в конце жизни я пришел к этим выводам. Что только накануне краха Империи открылись мои глаза. Хотя подсознательно я всегда ненавидел наш славный Гимн, идиотскую мелодийку которого люди называли «Собачий вальс» (даже этот атрибут

государственной власти мы заимствовали). Перед смертью у всех должны открываться глаза. И на прошлое, и на будущее.

Я ухожу. И, наверное, многие последуют за мной. Я не хотел бы, чтобы ты терзался в последние часы, связывая с собой трагедию Империи. Хотя многие в такие времена (я имею в виду мыслящих) пытаются ставить себя в центр происходящих событий, но не найдя там привычной опоры, ломаются. Уповая на свою значительность, вдруг исторгаются из привычной среды и в изменившейся обстановке просто не в состоянии прижиться.

Я ухожу не потому, что растерялся, струсил...

За это время я прожил свою жизнь до конца несколько раз. И финал был всегда одним и тем же. Я знаю, что будет, и не имею ни малейшего желания наблюдать этот процесс воочию. Все это я уже пережил и теперь оказался заключенным во временной круг, с удивительным постоянством повторяющим одни и те же события. То и дело мне приходится умирать, разгадав причину гибели Империи. А это на старости лет, ей-богу утомительно.

Длинное у меня получилось письмо. Как и все старики, я стал говорлив. Но меня можно оправдать — письмо последнее.

Прощай, мой Жак, последний Император.»

ГЛАВА 1

— Наконец-то он подох, старый дурак. Включи кондиционер — вонь стоит неимоверная. Он, наверное, так и испарился, думая о конце света. А ведь из почтенного рода. Вот и доверяй этим хлюпикам, Таксам.

Косолапая дымчато-серая собака Бульдог в черном шлеме и фиолетовых перчатках подошла к компьютеру и нажала клавишу. На экране появился Звездочет со стопкой бумаг и ручкой в лапе. Бульдог, внимательно наблюдая за происходящим на экране, не забывал поглядывать за своим молодым напарником из дворцовой охраны Боксером Хааном. Тот включил освещение, кондиционер и направился к холодильнику. По всему было видно, что комната и расположение предметов в ней ему достаточно хорошо знакомо.

— Когда я был здесь в последний раз, — произнес он, — мне показалось, что Звездочет чем-то взволнован. Сначала я подумал, что разум стал изменять почтенному старику, но на самом деле, и я теперь ясно вижу это, он решил испариться. Но почему он решился на такое, что могло его так сильно напугать?

— Ничего пока не понятно. Сколько наблюдаю за ним, — Бульдог махнул в сторону экрана, — он все пишет и пишет. У меня бы терпения не хватило так долго воспроизводить мысли дикарским методом. Как будто нет компьютера. Ну, нашел что-нибудь? — рявкнул Бульдог, обращаясь к Хаану.

— Нашел, Боз. Еды навалом, даже халва осталась. Мне все-таки кажется, старик не такой глупец, каким мы его всегда считали. Скорее всего, он каким-то образом обвел нас вокруг пальца и преспокойно испарился, — задумчиво произнес Хаан. — Послушай, а не в этом ли видео, что он записал, его секрет. Мы с тобой, по-моему, не там ищем. Я целую неделю за ним наблюдал, и никаких нарушений Имперской безопасности.

— Не знаю. Не знаю. И зачем только этому выскочке Нору вновь понадобилось посылать нас следить за рехнувшимся стариком. — Он сделал задумчивое лицо и внимательно посмотрел в глаза Хаану. — Лет пять назад — да. Мы тогда с Гилом работали — изъяли у него бумаги, где он призывал молодого тогда еще Императора выдать оружие дворнягам-рабочим. А сейчас-то зачем?

— Слышал я об этой истории, — Хаан, слушая своего напарника, собирал на стол. — Наверное, здорово ему тогда влетело!?

— Ничего ему не было. Выселили в эту обсерваторию из дворца, подальше с глаз. И все, — Боз зло усмехнулся. — Он ведь Императора в молодые годы пестовал. Учителем его был. Как наш бедный Император будет убиваться, когда узнает, что старик испарился...

Оба пса усадились за стол и принялись за еду. Громко чавкая и сплевывая прямо на пол, Боз рвал зубами куски румяного мяса. Хаан, глядя на него, старался во всем ему подражать. Это было его первое задание. Из-за молодости раньше не доводилось участвовать в серьезных операциях. Да и это вряд ли тянуло на серьезность. Но все-таки — особа весьма приближенная к Императору, хоть и в прошлом — фигура значительная. И теперь не отправили бы в обсерваторию, но некого было послать. Отряд Особых Поручений, сформированный на прошлой неделе, был укомплектован сплошь из сотрудников тайной полиции. Они несли дежурство на предприятиях и городской стене. В связи с чрезвычайной обстановкой они имели право уничтожать не месте всех, заподозренных в крамоле и распространении паники. А таких было великое множество. Так что служба Хана в обсерватории была, скорее, недоверием, нежели заслугой. Но он с величайшей радостью принял это за знак признания его скромных заслуг перед Империей и очень гордился назначением.

Боз же, рассчитывающий попасть в ООП, сотрудники которого были наделены чрезвычайной властью, в силу своей вспыльчивости и высокомерия не зачисленный туда, вынужден был теперь по его словам «прозябать всю жизнь в надзирателях» у старого Звездочета. Сначала он ругал на чем свет стоит Императора и своего высшего начальника Нора, но по прошествии месяца смирился. Смена его настроения объяснялась тем, что каждый день кого-нибудь из ООП убивали. А иногда находили убитыми и растерзанными сразу нескольких бойцов. Боз не был трусом, но жить любил. Он по праву гордился своим опытом, знаниями и уважением со стороны коллег, в достижении которых в былые времена не гнушался никакой черной работой. Будь то пытки или даже казни приговоренных. Сейчас чутье подсказывало ему, что он на посту начальника смены, осуществлявшей секретную миссию надзора за Звездочетом, в более выгодном положении, чем его сослуживцы из ООП. Нетрудная, чистая работа в паре с юным Ханом, в общении с которым он выбрал покровительственный тон, доставляла ему намного больше удовольствия, чем раньше, когда он чувствовал себя забытым.

Он уже согласен был «всю жизнь прозябать» на своем посту, но старик Звездочет испарился. Это внесло сумятицу в закаленную душу Боза. В первый момент он основательно растерялся, хотя внешне старался сохранить свойственное ему присутствие духа. Рассудив, что никто кроме него и салаги Хаана не знает о кончине старика, он решил попросту не докладывать об этом начальству. Они будут нести службу так, как будто ничего не произошло. Старик — жив, они — работают. В случае проверки они сделают вид, что старик испарился «минуту назад, не более». А поскольку проверки — дело необычайно редкое, особенно в последнее время, то можно, при удачном стечении обстоятельств, славно протянуть до пенсии. Главное, чтобы правильно понял Хаан. Он юноша неглупый, должен врубиться. А если не найдем общего языка, придется им пожертвовать. Сидит, сидит в нем какая-то патриотическая заноза. И далась ему эта Империя. О себе думать надо, а потом уж, когда у тебя все хорошо, от нечего делать можно и на благо Империи потрудиться.

— Послушай, Хаан, — неторопливо начал Боз, вытирая салфеткой жирные губы, — старик Звездочет, слава богу, окончил свой земной путь. Теперь нам надо позаботиться о себе. Я сейчас сяду составлять докладную, а ты покумекай, пока будешь собирать барахло, — чего бы тебе хотелось больше всего. Я думаю, за наши труды нам полагается какое-нибудь вознаграждение.

— Боз, я предан Императору. Для меня наградой будет любое новое поручение Его Величества. — Хаан гордо поднял голову и оскалил молодые, крепкие клыки. — Я прошу так и написать в донесении.

«Идиот, — подумалось Бозу, — терпеть не могу фанатиков. Ничего с ними серьезного нельзя решить. И с этим нелегко будет сладить».

— Хорошо, дружище, — Боз скривил губы в великодушной улыбке. — Я надеюсь там, — он поднял лапу кверху, — твои заслуги и преданность оценят.

Сидя у монитора, Боз записал два отдающих канцелярщиной предложения, стер их и теперь неотрывно следил за действиями Хана. Тот тщательно перерывал содержимое выдвижных ящиков и полок, заставленных книгами. Когда он дошел до старомодного шкафа и начал выворачивать карманы камзолов и сюртуков, Боз обратил внимание на портрет Императора, висящий над письменным столом. Этот портрет висел здесь всегда, примелькался и потому надзиратели не обращали на него никакого внимания.

В нижнем углу золоченой рамы белел запечатанный квадратной сургучной печатью конверт. Хаан шаг за шагом стал приближаться к портрету. Бесчувственное сердце старого вояки запрыгало по грудной клетке как испуганный воробей. Он, поджав толстые губы, переводил взгляд с мускулистой спины Хана на конверт не в силах унять нервную дрожь в коленях. Ему казалось, что время остановилось. «Хоть бы не заметил... Щенок... Я его с потрохами сожру», — проносилось в его мозгу. Когда Хаан, уронив какой-то прибор, виновато оглянулся на Боза, тот едва не заскулил от ярости. Хаан объяснил этот взгляд гневом на свою неловкость и, будто извиняясь, растерянно пожал плечами. Суетливо забегав глазами по комнате, он ошетинился и набросился на старый деревянный ящик, в котором хранились пропахшие пылью книги и непонятные Хану по назначению предметы.

Боз не смог подавить вздох облегчения и чтобы скрыть свою радость, уткнулся в клавиатуру компьютера. Железные челюсти, как он их не сжимал, то и дело оскаливались в глуповатую улыбку. Чтобы совсем исключить возможность обнаружения Хааном конверта, он решил действовать сам. Выйдя из-за стола, Боз озабоченно поцокал зубами возле беспорядочно валяющихся предметов, поймал на себе настороженный взгляд напарника, недовольно покачал головой и сквозь зубы произнес:

— Нельзя в нашем деле оставлять такой бардак. Собери-ка все. И следи за мной. — Он спокойно подождал, пока Хаан наведет порядок, посадил его спиной к портрету и, бросая свирепые взгляды, продолжил. — Мы знаем, что старик написал письмо. Написал как первобытный пес — ручкой на бумаге. Кому и зачем он стал бы писать таким образом? Я думаю, это его духовное завещание наследнику. А кто этот наследник? У него не было ни детей, ни вообще каких-либо родственников. Если они и были, все равно давным-давно померли. Старик явно зажился на этом свете. Единственный наследник — это наш Император, которого он вынянчил и взрастил, как свое собственное дитя, вложив в него всю мощь своей дури или, как ее еще называют, гениальности. Только ему, также как и старик, влюбленному в человеческие закорючки, он мог так написать.

Но где находится послание? — Боз выдержал многозначительную паузу. — Мне кажется, у Звездочета не было оснований прятать его очень далеко. Оно может лежать там, где всякий щенок, вроде тебя, — Хаан презрительно и злобно сверкнул глазами, — сразу поймет, кому оно предназначено.

Боз, перекатываясь с бока на бок, подбежал к столу, легко вспрыгнул на него и, приподнявшись на задних лапах, вынул конверт из рамы. Наградой ему был взгляд Хана, исполненный ненависти и ярости. Погладив письмо, Боз прижал его к груди и уселся прямо на столе.

— Ну что, мой мальчик, будем делать? Я, конечно, могу описать в докладной твоё ротозейское отношение к исполнению служебных обязанностей, твоё несоответствие занимаемой должности и профессиональную непригодность, но могу и промолчать. — Голос Боза стал каким-то булькающим и неприятным.

Хаан понял, что дал маху с этим письмом. И как только он его не заметил? Надо было выкручиваться. Если Боз все это опишет, да еще от себя прибавит, что пообещал, то ему не

сдобровать. За такие дурацкие ошибки на их работе не миловали. А если и впрямь Боз постарается и преподнесет это начальству... По меньшей мере грозит работа на рудниках в охранке. Прокрутив все варианты в мозгу, Хаан спросил как можно спокойнее:

— Чего ты хочешь, Боз? По-моему, я не мешал тебе раньше и в будущем не собираюсь. Не станешь же ты из-за одной досадной оплошности портить мою еще и не начавшуюся жизнь.

— Поговорим открыто, сынок. — Боз наслаждался своей победой. Он сиял, всем своим видом показывая доброжелательнейшее отношение к собеседнику. Но успех необходимо было развить. Ему нравилось властвовать над этим сопляком, видеть его унижение, но доводить дело до ненависти не хотел. — Твою жизнь, как и твою карьеру, я портить не собираюсь. Ее и без меня есть кому испортить. В первую очередь, крысам, о которых только и идут разговоры. Но мне нужны гарантии, что ты не станешь препятствовать мне, а в случае необходимости и поможешь в осуществлении задуманного мной.

— Я готов выслушать тебя.

— Вот-вот, послушай, — Боз решительно нравился самому себе. Он радовался как щенок и от этого стал говорлив и весел. — Я хочу прожить здесь полгода. Не больше и не меньше. Только и всего. И спокойно уйти на пенсию. Как ты думаешь, заслужил я это или нет за долгие годы работы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.